

Три царства

Бывало да живало — жили-были старик да старушка; у них было три сына: первый — Егорушко Залёт, второй — Миша Косолапый, третий — Ивашко Запечник. Вот вздумали отец и мать их женить; послали большого сына присматривать невесту, и он шёл да шёл — много времени; где ни посмотрит на девок, не может прибрать себе невесты, всё не глянутся. Потом встретил на дороге змея о трёх головах и испугался, а змей говорит ему:

— Куда, добрый человек, направился?

Егорушко говорит:

— Пошёл свататься, да не могу невесты приискать.

Змей говорит:

— Пойдём со мной; я поведу тебя, можешь ли достать невесту?

Вот шли да шли, дошли до большого камня. Змей говорит:

— Отвори камень; там чего желаешь, то и получишь.

Егорушко старался отворотить, но ничего не мог сделать. Змей сказал ему:

— Дак нет же тебе невесты!

И Егорушко воротился домой, сказал отцу и матери обо всём. Отец и мать опять думали-подумали, как жить да быть, послали среднего сына, Мишу Косолапого. С тем то же самое случилось. Вот старик и старушка думали-подумали, не знают, что делать: если послать Ивашка Запечного, тому ничего не сделать!

А Ивашко Запечный стал сам проситься посмотреть змея; отец и мать сперва не пускали его, но после пустили. И Ивашко тоже шёл да шёл, и встретил змея о трёх головах. Спросил его змей:

— Куда направился, добрый человек?

Он сказал:

— Братья хотели жениться, да не смогли достать невесту; а теперь мне черёд выпал.

— Пожалуй, пойдём, я покажу; сможешь ли ты достать невесту?

Вот пошли змей с Ивашком, дошли до того же камня, и змей приказал камень отворотить с места. Ивашко хватил его, и камень как не бывал — с места слетел; тут оказалась дыра в землю, и близ неё утверждены ремни. Вот змей и говорит:

— Ивашко садись на ремни; я тебя спущу, и ты там пойдёшь и дойдёшь до трёх царств, а в каждом царстве увидишь по девице.

Ивашко спустился и пошёл; шёл да шёл, и дошёл до медного царства; тут зашёл и увидел девицу, прекрасную из себя. Девица говорит:

— Добро пожаловать, небывалый гость! Приходи и садись, где место просто видишь; да скажись, откуда идёшь и куда?

— Ах, девица красная! — сказал Ивашко. — Не накормила, не напоила, да стала вести спрашивать.

Вот девица собрала на стол всякого кушанья и напитков; Ивашко выпил и поел и стал рассказывать, что иду-де искать себе невесты: — если милость твоя будет — прошу выйти за меня.

— Нет, добрый человек, — сказала девица, — ступай ты вперёд, дойдёшь до серебряного царства: там есть девица ещё прекраснее меня! — и подарила ему серебряный перстень.

Вот добрый молодец поблагодарил девицу за хлеб за соль, распростился и пошёл; шёл да шёл, и дошёл до серебряного царства; зашёл сюда и увидел: сидит девица прекраснее первой. Помолился он богу и бил челом:

— Здорово, красная девица!

Она отвечала:

— Добро пожаловать, прохожий молодец! Садись да хвастай: чей, да откуль, и какими делами сюда зашёл?

— Ах, прекрасная девица! — сказал Ивашко. — Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать.

Вот собрала девица стол, принесла всякого кушанья и напитков; тогда Ивашко попил, поел, сколько хотел, и начал рассказывать, что он пошёл искать невесты, и просил её замуж за себя. Она сказала ему:

— Ступай вперёд, там есть ещё золотое царство, и в том царстве есть ещё прекраснее меня девица, — и подарила ему золотой перстень.

Ивашко распротился и пошёл вперёд, шёл да шёл, и дошёл до золотого царства, зашёл и увидел девицу прекраснее всех. Вот он богу помолился и, как следует, поздоровался с девицей. Девица стала спрашивать его: откуда и куда идёт?

— Ах, красная девица! — сказал он. — Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать.

Вот она собрала на стол всякого кушанья и напитков, чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечник угостился всем хорошо и стал рассказывать:

— Иду я, себе невесту ищу; если ты желаешь за меня замуж, то пойдём со мною.

Девица согласилась и подарила ему золотой клубок, и пошли они вместе.

Шли да шли, и дошли до серебряного царства — тут взяли с собой девицу; опять шли да шли, и дошли до медного царства — и тут взяли девицу, и все пошли до дыры, из которой надобно вылезать, и ремни тут висят; а старшие братья уже стоят у дыры, хотят лезть туда же искать Ивашку.

Вот Ивашко посадил на ремни девицу из медного царства и затряс за ремень; братья потащили и вытащили девицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадил девицу из серебряного царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потом посадил он девицу из золотого царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и сам Ивашко сел: братья потащили и его, тащили-тащили, да как увидели, что это — Ивашко, подумали:

— Пожалуй, вытащим его, дак он не даст ни одной девицы! — и обрезали ремни; Ивашко упал вниз.

Вот, делать нечего, поплакал он, поплакал и пошёл вперёд; шёл да шёл, и увидел: сидит на пне старик — сам с четверть, а борода с локоть — и рассказал ему всё, как и что с ним случилось. Старик научил его идти дальше:

— Дойдёшь до избушки, а в избушке лежит длинный мужчина из угла в угол, и ты спроси у него, как выйти на Русь.

Вот Ивашко шёл да шёл, и дошёл до избушки, зашёл туда и сказал:

— Сильный Идолище! Не погуби меня: скажи, как на Русь попасть?

— Фу-фу! — проговорил Идолище. — Русскую коску никто не звал, сама пришла. Ну, пойдёшь ты за тридцать озёр; там стоит на куриной ножке

избушка, а в избушке живёт яга-баба; у ней есть орёл-птица, и она тебя вынесет.

Вот добрый молодец шёл да шёл, и дошёл до избушки; зашёл в избушку, яга-баба закричала:

— Фу, фу, фу! Русская коска, зачем сюда пришла?

Тогда Ивашко сказал:

— А вот, бабушка, пришёл я по приказу сильного Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь.

— Иди же ты, — сказала яга-баба, — в садок; у дверей стоит караул, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; как будешь отпирать последние двери — тогда орёл встрепет крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми с собою говядины, и когда он станет оглядываться, ты давай ему по куску мяса.

Ивашко сделал всё по приказанью ягой-бабки, сел на орла и полетел; летел-летел, орёл оглянулся — Ивашко дал ему кусок мяса; летел-летел и часто давал орлу мяса, уж скормил всё, а ещё лететь не близко. Орёл оглянулся, а мяса нет; вот орёл выхватил у Ивашка из холки кусок мяса, съел и вытащил его в ту же дыру на Русь. Когда сошёл Ивашко с орла, орёл выхаркнул кусок мяса и велел ему приложить к холке. Ивашко приложил, и холка заросла. Пришёл Ивашко домой, взял у братьев девицу из золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живут. Я там был, пиво пил; пиво-то по усу текло, да в рот не попало.

129

В некотором царстве, в некотором государстве был-жил царь Бел Белянин; у него была жена Настасья золотая коса и три сына: Петр-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич. Пошла царица с своими мамушками и нянюшками прогуляться по саду. Вдруг поднялся сильный вихрь — что и боже мой! схватил царицу и унёс неведомо куда. Царь запечалился-закручинился и не ведает, как ему быть. Подросли царевичи он и говорит им:

— Дети мои любезные! Кто из вас поедет — мать свою отыщет?

Собрались два старшие сына и поехали; а за ними и младший стал у отца проситься.

— Нет, — говорит царь, — ты, сынок, не ездь! Не покидай меня одного, старика.

— Позволь, батюшка! Страх как хочется по белу свету постранствовать да матушку отыскать.

Царь отговаривал, отговаривал, не мог отговорить: — Ну, делать нечего, ступай; бог с тобой!

Иван-царевич оседлал своего доброго коня и пустился в дорогу. Ехал-ехал, долго ли, коротко ли; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; приезжает к лесу. В том лесу богатейший дворец стоит. Иван-царевич въехал на широкий двор, увидал старика и говорит:

— Много лет здравствовать, старичок!

— Милости просим! Кто таков, добрый молодец?

— Я — Иван-царевич, сын царя Бела Белянина и царицы Настасьи золотой косы.

— Ах, племянник родной! Куда тебя бог несёт?

— Да так и так, — говорит, — еду отыскивать свою матушку. Не можешь ли ты сказать, дядюшка, где найти её?

— Нет, племянник, не знаю. Чем могу, тем и послужу тебе; вот тебе шарик, брось его перед собою; он покатится и приведёт тебя к крутым, высоким горам. В тех горах есть пещера, войди в неё, возьми железные когти, надень на руки и на ноги и полезай на горы; авось там найдёшь свою мать Настасью золотую косу.

Вот хорошо. Иван-царевич попрощался с дядею и пустил перед собою шарик; шарик катится, катится, а он за ним едет. Долго ли, коротко ли — видит: братья его Петр-царевич и Василий-царевич стоят в чистом поле лагерем и множество войска с ними. Братья его встренули:

— Ба! Куда ты, Иван-царевич?

— Да что, — говорит, — соскучился дома и задумал ехать отыскивать матушку. Отпустите войско домой да поедemте вместе.

Они так и сделали; отпустили войско и поехали втроем за шариком. Издали ещё завидели горы — такие крутые, высокие, что и боже мой! верхушками в небо упёрлись. Шарик прямо к пещере прикатился; Иван-царевич слез с коня и говорит братьям:

— Вот вам, братцы, мой добрый конь; я пойду на горы матушку отыскивать, а вы здесь оставайтесь; дожидайтесь меня ровно три месяца, а не буду через три месяца — и ждать нечего!

Братья думают: «Как на эти горы влезать, да тут и голову поломать!»

— Ну, — говорят, — ступай с богом, а мы здесь подождём.

Иван-царевич подошёл к пещере, видит — дверь железная, толкнул со всего размаху — дверь отворилась; вошёл туда — железные когти ему на руки и на ноги сами наделись. Начал на горы взбираться, лез, лез, целый месяц трудился, насилиу наверх взобрался.

— Ну, — говорит, — слава богу!

Отдохнул немного и пошёл по горам; шёл-шёл, шёл-шёл, смотрит — медный дворец стоит, у ворот страшные змеи на медных цепях прикованы, так и кишат! А подле колодезь, у колодезя медный корец на медной цепочке висит. Иван-царевич взял почерпнул корцом воды, напоил змей; они присмирели, прилегли, он и прошёл во дворец.

Выскакивает к нему медного царства царица:

— Кто таков, добрый молодец?

— Я Иван-царевич.

— Что, — спрашивает, — своей охотой али неволей зашёл сюда, Иван-царевич?

— Своей охотой; ищу мать свою Настасью золотую косу. Какой-то Вихрь её из саду похитил. Не знаешь ли, где она?

— Нет, не знаю; а вот недалеко отсюда живёт моя середняя сестра, серебряного царства царица; может, она тебе скажет.

Дала ему медный шарик и медное колечко.

— Шарик, — говорит, — доведёт тебя до средней сестры, а в этом колечке всё медное царство состоит. Когда победишь Вихря, который и меня здесь держит и летает ко мне чрез каждые три месяца, то не забудь меня бедной — освободи отсюда и возьми с собою на вольный свет.

— Хорошо, — отвечал Иван-царевич, взял бросил медный шарик — шарик покатился, а царевич за ним пошёл.

Приходит в серебряное царство и видит дворец лучше прежнего — весь серебряный; у ворот страшные змеи на серебряных цепях прикованы, а подле

колодезь с серебряным корцом. Иван-царевич почерпнул воды, напоил змей — они улеглись и пропустили его во дворец. Выходит царица серебряного царства:

— Уж скоро три года, — говорит, — как держит меня здесь могучий Вихрь; я русского духу слыхом не слыхала, видом не видала, а теперь русский дух воочью совершается. Кто таков, добрый молодец?

— Я Иван-царевич.

— Как же ты сюда попал — своею охотою али неволею?

— Своею охотою, ищу свою матушку; пошла она в зелёном саду погулять, как поднялся Вихрь и умчал её неведомо куда. Не знаешь ли, где найти её?

— Нет, не знаю; а живёт здесь недалечко старшая сестра моя, золотого царства царица, Елена Прекрасная; может, она тебе скажет. Вот тебе серебряный шарик, покати его перед собою и ступай за ним следом; он тебя доведёт до золотого царства. Да смотри, как убьёшь Вихря — не забудь меня бедной; вызволь отсюда и возьми с собою на вольный свет; держит меня Вихрь в заключении и летает ко мне через каждые два месяца.

Тут подала ему серебряное колечко:

— В этом колечке всё серебряное царство состоит!

Иван-царевич покатил шарик: куда шарик покатился, туда и он направился.

Долго ли, коротко ли, увидел — золотой дворец стоит, как жар горит; у ворот кишат страшные змеи — на золотых цепях прикованы, а возле колодезь, у колодезя золотой корец на золотой цепочке висит. Иван-царевич почерпнул корцом воды и напоил змей; они улеглись, присмирели. Входит царевич во дворец; встречает его Елена Прекрасная:

— Кто таков, добрый молодец?

— Я Иван-царевич.

— Как же ты сюда зашёл — своей ли охотою али неволею?

— Зашёл я охотою; ищу свою матушку Настасью золотую косу. Не ведаешь ли, где найти её?

— Как не ведать! Она живёт недалеко отсюда, и летает к ней Вихрь раз в неделю, а ко мне раз в месяц. Вот тебе золотой шарик, покати перед собою и ступай за ним следом — он доведёт тебя куда надобно; да вот ещё возьми

золотое колечко — в этом колечке всё золотое царство состоит! Смотри же, царевич: как победишь ты Вихря, не забудь меня бедной, возьми с собой на вольный свет.

— Хорошо, — говорит, — возьму!

Иван-царевич покатил шарик и пошёл за ним: шёл-шёл, и приходит к такому дворцу, что и господи боже мой! — так и горит в бриллиантах и самоцветных камнях. У ворот шипят шестиглавые змеи; Иван-царевич напоил их, змеи присмирели и пропустили его во дворец. Проходит царевич большими покоями и в самом дальнем находит свою матушку: сидит она на высоком троне, в царские наряды убрана, драгоценной короной увенчана. Глянула на гостя и вскрикнула:

— Ах, боже мой! Ты ли, сын мой возлюбленный? Как сюда попал?

— Так и так, — говорит, — за тобой пришёл.

— Ну, сынок, трудно тебе будет! Ведь здесь на горах царствует злой, могучий Вихрь, и все духи ему повинуются; он-то и меня унёс. Тебе с ним бороться надо! Пойдём поскорей в погреб.

Вот сошли они в погреб. Там стоят две кади с водою: одна на правой руке, другая на левой. Говорит царица Настасья золотая коса:

— Испей-ка водицы, что направо стоит.

Иван-царевич испил.

— Ну что, сколько в тебе силы?

— Да так силён, что весь дворец одной рукой поверну.

— А ну, испей ещё.

Царевич ещё испил.

— Сколько теперь в тебе силы?

— Теперь захочу — весь свет поворожу.

— Ох, уж это дюже много! Переставь-ка эти кади с места на место: ту, что стоит направо, отнеси на левую руку, а ту, что налево, отнеси на правую руку.

Иван-царевич взял кади и переставил с места на место.

— Вот видишь ли, любезный сын: в одной кади — сильная вода, в другой — бессильная; кто первой напьётся — будет сильномогучим богатырем, а кто

второй изопьёт — совсем ослабеет. Вихрь пьёт всегда сильную воду и становится её по правую сторону; так надо его обмануть, а то с ним никак не сладить!

Воротились во дворец.

— Скоро Вихрь прилетит, — говорит царица Ивану-царевичу. — Садись ко мне под порфиру, чтоб он тебя не увидел. А как Вихрь прилетит да кинется меня обнимать-целовать, ты и схвати его за палицу. Он высоко-высоко поднимется будет носить тебя и над морями и над пропастями, ты смотри не выпускай из рук палицы. Вихрь уморится, захочет испить сильной воды, спустится в погреб и бросится к кади, что на правой руке поставлена, а ты пей из кади на левой руке. Тут он совсем обессилеет, ты выхвати у него меч и одним ударом отруби его голову. Как срубишь ему голову, тотчас сзади тебя кричать будут: «Руби ещё, руби ещё!» А ты, сынок, не руби, а в ответ скажи: «Богатырская рука два раза не бьёт, а все с одного разу!»

Только Иван-царевич успел под порфиру укрыться, как вдруг на дворе потемнело, все кругом затряслось; налетел Вихрь, ударился о землю, сделался добрым молодцем и входит во дворец; в руках у него боевая палица.

— Фу-фу-фу! Что у тебя русским духом пахнет? Аль кто в гостях был?

Отвечает царица:

— Не знаю, отчего тебе так сдаётся.

Вихрь бросился её обнимать-целовать, а Иван-царевич тотчас за палицу.

— Я тебя съем! — закричал на него Вихрь.

— Ну, бабка надвое сказала: либо съешь, либо нет!

Вихрь рванулся — в окно да в поднебесье; уж он носил, носил Ивана-царевича — и над горами:

— Хошь, — говорит, — зашибу? — и над морями: — Хошь, — грозит, — утоплю?

Только нет, царевич не выпускает из рук палицы.

Весь свет Вихрь вылетал, уморился и начал спускаться; спустился прямо-таки в погреб, подбежал к той кади, что на правой руке стояла, и давай пить бессильную воду, а Иван-царевич кинулся налево, напился сильной воды и сделался первым могучим богатырем во всём свете. Видит он, что Вихрь совсем ослабел, выхватил у него острый меч да разом и отсёк ему голову. Закричали позади голоса:

— Руби ещё, руби ещё, а то оживёт.

— Нет, — отвечает царевич, — богатырская рука два раза не бьёт, а всё с одного разу кончает!

Сейчас разложил огонь, сжёг и тело и голову и пепел по ветру развеял. Мать Ивана-царевича радая такая!

— Ну, — говорит, — сын мой возлюбленный, повеселимся, покушаем, да как бы нам домой поскорей; а то здесь скучно, никого из людей нету.

— Да кто же здесь прислуживает?

— А вот увидишь.

Только задумали они кушать, сейчас стол сам накрывается, разные яства и вина сами на стол являются; царица с царевичем обедают, а невидимая музыка им чудные песни наигрывает. Наелись-напились они, отдохнули; говорит Иван-царевич:

— Пойдём, матушка, пора! Ведь нас под горами братья дожидаются. Да дорогою надобно трёх цариц избавить, что здесь у Вихря жили.

Забрали всё, что нужно, и отправились в путь-дорогу; сначала зашли за царицей золотого царства, потом за царицей серебряного, а там и за царицей медного царства; взяли их с собою, захватили полотна и всякой всячины и в скором времени пришли к тому месту, где надо с гор спускаться.

Иван-царевич спустил на полотне сперва мать, потом Елену Прекрасную и двух сестер её. Братья стоят внизу — дожидаются, а сами думают:

— Оставим Ивана-царевича наверху, а мать да цариц повезём к отцу и скажем, что мы их отыскали.

— Елену Прекрасную я за себя возьму, — говорит Пётр-царевич — царицу серебряного царства возьмишь ты, Василий-царевич; а царицу медного государства отдадим хоть за генерала.

Вот как надо было Ивану-царевичу с гор спускаться, старшие братья взялись за полотна, рванули и совсем оторвали. Иван-царевич на горах остался. Что делать? Заплакал горько и пошёл назад; ходил, ходил и по медному царству, и по серебряному, и по золотому — нет ни души. Приходит в бриллиантовое царство — тоже нет никого. Ну, что один? Скука смертная! Глядь — на окне лежит дудочка. Взял её в руки.

— Дай, — говорит, — поиграю от скуки.

Только свистнул — выскакивают хромой да кривой:

— Что угодно, Иван-царевич?

— Есть хочу.

Тотчас откуда ни возьмись — стол накрыт, на столе и вина и кушанья самые первые. Иван-царевич покушал и думает:

— Теперь отдохнуть бы не худо.

Свистнул в дудочку, явились хромой да кривой:

— Что угодно, Иван-царевич?

— Да чтобы постель была готова.

Не успел выговорить, а уж постель постлана — что ни есть лучшая.

Вот он лёг, выпался славно и опять свистнул в дудочку.

— Что угодно? — спрашивают его хромой да кривой.

— Так, стало быть, всё можно? — спрашивает царевич.

— Всё можно, Иван-царевич! Кто в эту дудочку свистнет, мы для того всё сделаем. Как прежде Вихрю служили, так теперь тебе служить рады; только надобно, чтоб эта дудочка завсегда при тебе была.

— Хорошо же, — говорит Иван-царевич, — чтоб я сейчас стал в моём государстве!

Только сказал, и в ту ж минуту очутился в своём государстве посеред базара. Вот ходит по базару; идёт навстречу башмачник — такой весельчак! Царевич спрашивает:

— Куда, мужичок, идёшь?

— Да несу черевика продавать; я башмачник.

— Возьми меня к себе в подмастерья.

— Разве ты умеешь черевика шить?

— Да всё, что угодно, умею; не то черевика, и платье сошью.

— Ну, пойдём!

Пришли они домой; башмачник и говорит:

— Ну-ка, смастери! Вот тебе товар самый первый; посмотрю, как ты умеешь.

Иван-царевич пошёл в свою комнатку, вынул дудочку, свистнул — явились хромой да кривой:

— Что угодно, Иван-царевич?

— Чтобы к завтраму башмаки были готовы.

— О, это службишка, не служба!

— Вот и товар!

— Что это за товар? Дрянь — и только! Надо за окно выкинуть.

Назавтра царевич просыпается, на столе башмаки стоят прекрасные, самые первые. Встал и хозяин:

— Что, молодец, пошил башмаки?

— Готовы.

— А ну, покажь!

Взглянул на башмаки и ахнул: «Вот так мастера добыл себе! Не мастер, а чудо!» Взял эти башмаки и понёс на базар продавать.

В эту самую пору готовились у царя три свадьбы: Пётр-царевич собирался жениться на Елене Прекрасной, Василий-царевич — на царице серебряного царства, а царицу медного царства отдавали за генерала. Стали закупать к тем свадьбам наряды; для Елены Прекрасной понадобились черевички. У нашего башмачника объявились черевички лучше всех; привели его во дворец. Елена Прекрасная как глянула:

— Что это? — говорит. — Только на горах могут такие башмаки делать.

Заплатила башмачнику дорого и приказывает:

— Сделай мне без мерки другую пару черевик, чтоб были на диво сшиты, драгоценными камнями убраны, бриллиантами усажены. Да чтоб к завтраму успели, а не то — на виселицу!

Взял башмачник деньги и драгоценные камни; идёт домой — такой пасмурный.

— Беда! — говорит. — Что теперь делать? Где такие башмаки пошить к завтраму, да ещё без мерки? Видно, повесят меня завтра! Дай хоть напоследки погуляю с горя с своими друзьями.

Зашёл в трактир; друзей-то у него много было, вот они и спрашивают:

— Что ты, брат, пасмурен?

— Ах, друзья любезные, ведь завтра повесят меня!

— За что так?

Башмачник рассказал своё горе: «Где уж тут о работе думать? Лучше погуляем напоследки». Вот пили-пили, гуляли-гуляли, башмачник уж качается.

— Ну, — говорит, — возьму домой бочонок вина да лягу спать. А завтра, как только придут за мной вешать, сейчас полведра выдую; пускай уж без памяти меня вешают.

Приходит домой.

— Ну, окаанный, — говорит Ивану-царевичу, — вот что твои черевички наделали... так и так... поутру, как придут за мной, сейчас меня разбуди.

Ночью Иван-царевич вынул дудочку, свистнул — явились хромой да кривой:

— Что угодно, Иван-царевич?

— Чтоб такие-то башмаки были готовы.

— Слушаем!

Иван-царевич лёг спать; поутру просыпается — башмаки на столе стоят, как жар горят. Идёт он будить хозяина:

— Хозяин! Вставать пора.

— Что, али за мной пришли? Давай скорее бочонок с вином, вот кружка — наливай; пусть уж пьяного вешают.

— Да башмаки-то готовы.

— Как готовы? Где они? — Побежал хозяин, глянул: — Ах, когда ж это мы с тобой делали?

— Да ночью, неужто, хозяин, не помнишь, как мы кроили да шили?

— Совсем заспал, брат; чуть-чуть помню!

Взял он башмаки, обернул, бежит во дворец. Елена Прекрасная увидала башмаки и догадалась:

— Верно, это Ивану-царевичу духи делают.

— Как это ты сделал? — спрашивает она у башмачника.

— Да я, — говорит, — всё умею делать!

— Коли так, сделай мне платье подвенечное, чтоб было оно золотом вышито, бриллиантами да драгоценными камнями усеяно. Да чтоб завтра было готово, а не то — голову долой!

Идёт башмачник опять пасмурный, а други давно его дожидают:

— Ну что?

— Да что, — говорит, — одно окаянство! Вот проявилась переводчица роду христианского, велела к завтраму платье сшить с золотом, с камнями. А я какой портной! Уж верно завтра с меня голову снимут.

— Э, брат, утро вечера мудренее: пойдём погуляем.

Пошли в трактир, пьют-гуляют. Башмачник опять нализался, притащил домой целый бочонок вина и говорит Ивану-царевичу:

— Ну, малый, завтра, как разбудишь, так целое ведро и выдую; пусть пьяному рубят голову! А этакого платья мне и в жизнь не сделать.

Хозяин лёг спать, захрапел, а Иван-царевич свистнул в дудочку — явились хромой да кривой:

— Что угодно, царевич?

— Да чтоб к завтраму платье было готово — точно такое, как Елена Прекрасная у Вихря носила.

— Слушаем! Будет готово.

Чем свет проснулся Иван-царевич, а платье на столе лежит, как жар горит — так всю комнату и осветило. Вот он будит хозяина, тот продрал глаза:

— Что, аль за мной пришли — голову рубить? Давай поскорей вино!

— Да ведь платье готово...

— Ой ли! Когда ж мы сшить успели?

— Да ночью, разве не помнишь? Ты сам и кроил.

— Ах, брат, чуть-чуть припоминаю; как во сне вижу.

Взял башмачник платье, бежит во дворец.

Вот Елена Прекрасная дала ему много денег и приказывает:

— Смотри, чтоб завтра к рассвету на седьмой версте на море стояло царство золотое и чтоб оттуда до нашего дворца сделан был мост золотой, тот мост устлан дорогим бархатом, а около перил по обеим сторонам росли бы деревья чудные и певчие б птицы разными голосами воспевали. Не сделаешь к завтраму — велю четверить тебя!

Пошёл башмачник от Елены Прекрасной и голову повесил. Встречают его други:

— Что, брат?

— Да что! Пропал я, завтра четверить меня. Такую службу задала, что никакой чёрт не сделает.

— Э, полно! Утро вечера мудренее; пойдём в трактир.

— И то пойдёмте! Напоследях надо хоть повеселиться.

Вот они пили-пили; башмачник до того к вечеру напился, что домой под руки привели.

— Прощай, малый! — говорит он Ивану-царевичу. — Завтра казнят меня.

— Али новая служба задана?

— Да, вот так и так!

Лёг и захрапел; а Иван-царевич тотчас в свою комнату, свистнул в дудочку — явились хромой да кривой:

— Что угодно, Иван-царевич?

— Можете ль сослужить мне вот такую службу...

— Да, Иван-царевич, это служба! Ну, да делать нечего — к утру всё готово будет.

Назавтра чуть светать стало, Иван-царевич проснулся, смотрит в окно — батюшки светы! Всё как есть сделано: золотой дворец словно жар горит. Будит он хозяина; тот вскочил:

— Что? Аль за мной пришли? Давай вина поскорей! Пусть казнят пьяного.

— Да ведь дворец готов.

— Что ты!

Глянул башмачник в окно и ахнул от удивления:

— Как это случилось?

— Да разве не помнишь, как мы с тобой мастерили?

— Ах, видно, я заспался; чуть-чуть помню!

Побежали они в золотой дворец — там богатство невиданное и неслыханное. Говорит Иван-царевич:

— Вот тебе, хозяин, крылышко; поди, обметай на мосту перила, а коли придут да спросят: кто такой во дворце живёт? — ты ничего не говори, только отдай эту записочку.

Вот хорошо, пошёл башмачник и стал обметать на мосту перила. Утром проснулась Елена Прекрасная, увидала золотой дворец и сейчас побежала к царю:

— Поглядите, ваше величество, что у нас делается; на море золотой дворец выстроен, от того дворца мост на семь вёрст тянется, а вокруг моста чудные деревья растут, и певчие птицы разными голосами поют.

Царь сейчас посылает спрашивать:

— Что бы это значило? Уж не богатырь ли какой под его государство подступил?

Приходят посланные к башмачнику, стали его расспрашивать; он говорит:

— Я не знаю, а есть у меня записка к вашему царю.

В этой записке Иван-царевич рассказал отцу всё, как было: как он мать освободил, Елену Прекрасную добыл и как его старшие братья обманули. Вместе с запискою посылает Иван-царевич золотые кареты и просит приехать к нему царя с царицею, Елену Прекрасную с её сестрами; а братья пусть назади в простых дровнях будут привезены.

Все тотчас собрались и поехали; Иван-царевич встретил их с радостью. Царь хотел было старших сынов расказнить за их неправду, да Иван-царевич отца упросил, и вышло им прощение. Тут начался пир горой; Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, за Петра-царевича отдал царицу серебряного государства, за Василья-царевича отдал царицу медного государства, а

башмачника в генералы произвёл. На том пиру и я был, мёд-вино пил, по усам текло, в рот не попало.

130

В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жаренные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьею Прекрасною; у них было три сына-царевича. Сотряслась беда немалая — утащил царицу нечистый дух. Говорит царю большой сын:

— Батюшка, благослови меня, поеду отыскивать матушку.

Поехал и пропал, три года про него ни вести, ни слуху не было. Стал второй сын проситься:

— Батюшка, благослови меня в путь-дорогу; авось мне посчастливится найти и брата и матушку.

Царь благословил; он поехал и тоже без вести пропал — словно в воду канул.

Приходит к царю меньшей сын Иван-царевич:

— Любезный батюшка, благослови меня в путь-дорогу; авось разыщу и братьев и матушку.

— Поезжай, сынок!

Иван-царевич пустился в чужедальнюю сторону; ехал-ехал и приехал к синю морю, остановился на бережку и думает: «Куда теперь путь держать?» Вдруг прилетели на море тридцать три колпицы, ударились оземь и стали красные девицы — все хороши, а одна лучше всех; разделись и бросились в воду.

Много ли, мало ли они купались — Иван-царевич подкрался, взял у той девицы, что всех краше, кушачок и спрятал за пазуху. Искупались девицы, вышли на берег, начали одеваться — одного кушачка нет.

— Ах, Иван-царевич, — говорит красавица, — отдай мой кушачок.

— Скажи прежде, где моя матушка?

— Твоя матушка у моего отца живёт — у Ворона Вороновича. Ступай вверх по морю, попадётся тебе серебряная птичка золотой хохолок: куда она полетит, туда и ты иди.

Иван-царевич отдал ей кушачок и пошёл вверх по морю; тут повстречал своих братьев, поздоровался с ними и взял с собою.

Идут они вместе берегом, увидели серебряную птичку золотой хохолок и побежали за ней следом. Птичка летела, летела и бросилась под плиту железную, в яму подземельную.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — благословите меня вместо отца, вместо матери; опущусь я в эту яму и узнаю, какова земля иноверная, не там ли наша матушка.

Братья его благословили, он сел на рели, полез в ту яму глубокую и спускался ни много, ни мало — ровно три года; спустился и пошёл путём-дорогою.

Шёл-шёл, шёл-шёл, увидел медное царство; во дворце сидят тридцать три девицы-колпицы, вышивают полотенца хитрыми узорами — городками с пригородками.

— Здравствуй, Иван-царевич! — говорит царица медного царства. — Куда идёшь, куда путь держишь?

— Иду свою матушку искать.

— Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; он хитёр и мудёр, по горам, по долам, по вертепам, по облакам летал! Он тебя, добра молодца, убьёт! Вот тебе клубочек, ступай к моей средней сестре — что она тебе скажет. А назад пойдёшь, меня не забудь.

Иван-царевич покати клубочек и пошёл вслед за ним.

Приходит в серебряное царство; там сидят тридцать три девицы-колпицы. Говорит царица серебряного царства:

— Доселева русского духа было видом не видать, слухом не слышать, а нонче русский дух воочью проявляется! Что, Иван-царевич, от дела лытаешь али дела пытаешь?

— Ах, красная девица, иду искать матушку.

— Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; и хитёр он, и мудёр, по горам, по долам летал, по вертепам, по облакам носился! Эх, царевич, ведь он тебя убьёт! Вот тебе клубочек, ступай-ка ты к меньшей моей сестре — что она тебе скажет: вперёд ли идти, назад ли вернуться?

Приходит Иван-царевич к золотому царству; там сидят тридцать три девицы-колпицы, полотенца вышивают. Всех выше, всех лучше царица золотого царства — такая краса, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Говорит она:

— Здравствуй, Иван-царевич! Куда идёшь, куда путь держишь?

— Иду матушку искать.

— Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; и хитёр он, и мудёр, по горам, по долам летал, по вертепам, по облакам носился. Эх, царевич, ведь он тебя убьёт! На тебе клубочек, ступай в жемчужное царство; там твоя мать живёт. Увидя тебя, она возрадуется и тотчас прикажет: няньки-мамки, подайте моему сыну зелена вина. А ты не бери; проси, чтоб дала тебе трёхгодовалого вина, что в шкапу стоит, да горелую корку на закусочку. Не забудь ещё: у моего батюшки есть на дворе два чана воды — одна вода сильная, а другая малосильная; переставь их с места на место и напейся сильной воды.

Долго царевич с царевной разговаривали и так полюбили друг друга, что и расставаться им не хотелось; а делать было нечего — попрощался Иван-царевич и отправился в путь-дорогу.

Шёл-шёл, приходит к жемчужному царству. Увидала его мать, обрадовалась и крикнула:

— Мамки-няньки! Подайте моему сыну зелена вина.

— Я не пью простого вина, подайте мне трёхгодовалого, а на закуску горелую корку.

Выпил трёхгодовалого вина, закусил горелую коркою, вышел на широкий двор, переставил чаны с места на место и принялся сильную воду пить. Вдруг прилетает Ворон Воронович: был он светел, как ясный день, а увидел Ивана-царевича — и сделался мрачней тёмной ночи; опустился к чану и стал тянуть бессильную воду. Тем временем Иван-царевич пал к нему на крылья; Ворон Воронович взвился высоко-высоко, носил его и по долам, и по горам, и по вертепам и облакам и начал спрашивать:

— Что тебе нужно, Иван-царевич? Хочешь — казной наделю?

— Ничего мне не надобно, только дай мне посошок-пёрышко.

— Нет, Иван-царевич! Больно в широки сани садишься.

И опять понёс его Ворон по горам и по долам, по вертепам и облакам. Иван-царевич крепко держится; налёг всею своей тяжестью и чуть-чуть не обломил ему крылья. Вскрикнул тогда Ворон Воронович:

— Не ломай ты мои крылышки, возьми посошок-пёрышко!

Отдал царевичу посошок-пёрышко; сам сделался простым вороном и полетел на крутые горы.

А Иван-царевич пришёл в жемчужное царство, взял свою матушку и пошёл в обратный путь; смотрит — жемчужное царство клубочком свернулося да вслед за ним покатилося. Пришёл в золотое царство, потом в серебряное, а потом и в медное, взял повёл с собою трёх прекрасных царевен, а те царства свернулись клубочками да за ними ж покатались. Подходит к релям и затрубил в золотую трубу.

— Братцы родные! Если живы, меня не выдайте.

Братья услышали трубу, ухватились за рели и вытащили на белый свет душу красную девицу, медного царства царевну; увидали её и начали меж собою ссориться: один другому уступить её не хочет.

— Что вы бьётесь, добрые молодцы! Там есть ещё лучше меня красная девица.

Царевичи опустили рели и вытащили царевну серебряного царства. Опять начали спорить и драться; тот говорит: «Пусть мне достанется!», а другой: «Не хочу! Пусть моя будет!»

— Не ссорьтесь, добрые молодцы, там есть краше меня девица.

Царевичи перестали драться, опустили рели и вытащили царевну золотого царства. Опять было принялись ссориться, да царевна-красавица тотчас остановила их:

— Там ждёт ваша матушка!

Вытащили они свою матушку и опустили рели за Иваном-царевичем; подняли его до половины и обсекли веревки. Иван-царевич полетел в пропасть, крепко ушибся и полгода лежал без памяти: очнувшись, посмотрел кругом, припомнил всё, что с ним случилось, вынул из кармана посошок-пёрышко и ударил им о землю. В ту ж минуту явилось двенадцать молодцев:

— Что, Иван-царевич, прикажете?

— Вынести меня на вольный свет.

Молодцы подхватили его под руки и вынесли на вольный свет.

Стал Иван-царевич про своих братьев разведывать и узнал, что они давно поженились: царевна из медного царства вышла замуж за среднего брата, царевна из серебряного царства — за старшего брата, а его нареченная невеста ни за кого не идёт. И вздумал на ней сам отец-старик жениться;

собрал думу, обвинил свою жену в совете с злыми духами и велел отрубить ей голову; после казни спрашивает он царевну из золотого царства:

— Идёшь за меня замуж?

— Тогда пойду за тебя, когда сошьёшь мне башмаки без мерки.

Царь приказал клич кликать, всех и каждого выпрашивать: не сошьёт ли кто царевне башмаков без мерки?

На ту пору приходит Иван-царевич в своё государство, нанимается у одного старичка в работники и посылает его к царю:

— Ступай, дедушка, бери на себя это дело. Я тебе башмаки сошью, только ты на меня не сказывай.

Старик пошел к царю:

— Я-де готов за эту работу взяться.

Царь дал ему товару на пару башмаков и спрашивает:

— Да потрафишь ли ты, старичок?

— Не бойся, государь, у меня сын чеботарь. Воротясь домой, отдал старичок товар Ивану-царевичу; тот изрезал товар в куски, выбросил за окно, потом растворил золотое царство и вынул готовые башмаки:

— Вот, дедушка, возьми, отнеси к царю.

Царь обрадовался, пристаёт к невесте:

— Скоро ли к венцу ехать?

Она отвечает:

— Тогда за тебя пойду, когда сошьёшь мне платье без мерки.

Царь опять хлопочет, собирает к себе всех мастеровых, даёт им большие деньги, только чтоб платье без мерки сшили. Иван-царевич говорит старику:

— Дедушка, иди к царю, возьми материю, я тебе платье сошью, только на меня не сказывай.

Старик поплёся во дворец, взял атласов и бархатов, воротился домой и отдал царевичу. Иван-царевич тотчас за ножницы, изрезал на клочки все атласы и бархаты и выкинул за окно; растворил золотое царство, взял оттуда что ни есть лучшее платье и отдал старику:

— Неси во дворец!

Царь радёхонек:

— Что, невеста моя возлюбленная, не пора ли нам к венцу ехать?

Отвечает царевна:

— Тогда за тебя пойду замуж, когда возьмёшь старикова сына да велишь в молоке сварить.

Царь не задумался, отдал приказ — и в тот же день собрали со всякого двора по ведру молока, налили большой чан и вскипятили на сильном огне.

Привели Ивана-царевича; начал он со всеми прощаться, в землю кланяться; бросили его в чан: он раз нырнул, другой нырнул, выскочил вон — и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Говорит царевна:

— Посмотри-ка, царь! За кого мне замуж идти: за тебя ли, старого, или за него, доброго молодца?

Царь подумал: «Если и я в молоке искупаюсь, таким же красавцем сделаюсь!» Бросился в чан и сварился в молоке. А Иван-царевич поехал с царевной из золотого царства венчаться; обвенчались и стали жить-поживать, добра наживать.